

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ (ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ)

Научная статья

УДК 81.37

ПОНЯТИЙНЫЕ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ: К ПРОБЛЕМЕ РАЗГРАНИЧЕНИЯ

Елизавета Вадимовна Малахова

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
Пермь, Россия

lisaveeet@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме разграничения понятийных и семантических категорий в лингвистической теории. В работе рассматриваются ключевые подходы к трактовке понятийных категорий, восходящие к идеям О. Есперсена, который ввёл данный термин и характеризовал эти категории как внеязыковые и универсальные образования, общие для всех языков. Анализируется вклад Л. Ельмслева, связывавшего понятийные категории с логическими категориями, а также И. И. Мещанинова, разграничивавшего категории, выраженные в строе языка, и категории, выраженные посредством языка. Особое внимание уделяется взглядам С. Д. Кацнельсона, рассматривавшего лексические значения и понятия как результат когнитивных процессов обобщения и абстракции. Дальнейшее развитие проблематики прослеживается в работах А. В. Бондарко, предложившего рассматривать понятийные категории как глубинные смысловые инварианты, получающие конкретную интерпретацию на поверхностном уровне через морфологические, синтаксические и лексические средства. Предлагаемый А. В. Бондарко

алгоритм выделения семантической категории позволяет систематизировать разнородные языковые средства и выявить их инвариантное содержание. Рассматривается классификация понятийных категорий Н. А. Кобриной, выделяющей содержательные, параметрические и релятивные типы. Анализируется также проблема скрытых (криптотипических) категорий в концепции Б. Л. Уорфа. В статье подчёркивается, что разграничение открытых и скрытых категорий имеет важное значение для типологических исследований и для понимания механизмов языковой концептуализации мира. В заключении делается вывод о том, что разграничение понятийных и семантических категорий является концептуальной основой функционально-семантического подхода, где анализ строится от смыслового инварианта к множеству его языковых реализаций.

Ключевые слова: понятийные категории, семантические категории, функциональная грамматика, функционально-семантическое поле, скрытые категории

Для цитирования: Малахова Е. В. Понятийные и семантические категории: к проблеме разграничения // Евразийский филологический вестник. 2026. Вып. 3 (15). С. 50–72.

GENERAL QUESTIONS OF LINGUISTICS (PHILOLOGICAL SCIENCES)

Original article

UDC 81.37

NOTIONAL AND SEMANTIC CATEGORIES: THE PROBLEM OF DISTINCTION

Elizaveta V. Malakhova

Perm State National Research University, Perm, Russia

lisaveet@mail.ru

Abstract. The article addresses the problem of distinguishing between notional and semantic categories in linguistic theory. It examines key approaches to the interpretation of notional categories, tracing them back to the ideas of O. Jespersen, who coined the term and characterized these categories as extra-linguistic and universal formations common to all languages. The contribution of L. Hjelmslev, who associated notional categories with logical categories, is analyzed, along with the work of I. I. Meshchaninov, who distinguished between categories expressed in the structure of language and those expressed through language. Special attention is paid to the views of S. D. Katsnelson, who treated lexical meanings and concepts as the result of cognitive processes of generalization and abstraction. The further development of the problem is traced in the works of A. V. Bondarko, who proposed treating notional categories as deep semantic invariants that receive specific interpretation at the surface level through morphological, syntactic, and lexical means. The algorithm proposed by A. V. Bondarko for identifying semantic categories makes it possible to systematize heterogeneous linguistic means and reveal their invariant content. The classification of notional categories by N. A. Kobrina, distinguishing content-based, parametric, and relational types, is also considered. The problem of covert (cryptotypic) categories in the concept of B. L. Whorf is analyzed. The article emphasizes that the distinction between overt and covert categories is of great importance for typological research and for understanding the mechanisms of linguistic conceptualization of the world. The conclusion is drawn that the distinction between notional and semantic categories constitutes the conceptual foundation of the functional-semantic approach, in which analysis proceeds from a semantic invariant to the multiple linguistic realizations thereof.

Keywords: notional categories, semantic categories, functional grammar, functional-semantic field, covert categories

For citation: Malakhova E. V. Notional and semantic categories: the problem of distinction // Eurasian Philological Bulletin. 2026; 3 (15): 50–72. (In Russ.).

Введение

Термин «понятийные категории» (англ. *notional categories*) был введён О. Есперсеном. В «Философии грамматики» исследователь описывает их как внеязыковые и универсальные образования, общие для всех языков [9, с. 47]. Такие категории понимаются как смысловые комплексы, которые в каждом конкретном языке получают различное формальное воплощение. Универсальный характер понятийных категорий проявляется, во-первых, в их применимости к разным языкам, а во-вторых, в отсутствии их прямой выраженности в языковой структуре. Признавая их внеязыковую природу, О. Есперсен вместе с тем подчёркивает, что классификация предметов и понятий невозможна без языковой репрезентации, что придаёт данным категориям лингвистическое значение.

Учёный неслучайно называл их имплицитными универсальными категориями: «Некоторые из них относятся к таким фактам внешнего мира, как пол, другие – к умственным состояниям или к логике, но за отсутствием лучшего общего названия для этих экстралингвистических категорий я буду использовать имя прилагательное *понятийный* и имя существительное *понятие*» [9, с. 55]. Отсюда следует, что при всей универсальности понятийные категории не существуют вне сознания конкретного человека: они преломляются через его субъективный опыт, что и приводит к несовпадению содержания понятий у разных людей. Таким образом, О. Есперсен показывает, что понятийные категории существуют на стыке общего (языковой системы) и частного (субъективного восприятия), а значит, становятся объектом не только лингвистики, но и психологии.

Исследовательские результаты и их интерпретация

Проблема разграничения понятийных и семантических категорий связана с более широким вопросом: насколько языковые структуры воспроизводят логику мышления, а насколько они подчиняются внутренним языковым закономерностям. Чтобы приблизиться к этому вопросу, нужно сначала определить, какое место категории занимают в грамматической системе языка. Л. Ельмслев подчёркивал: «Система – доминирующий принцип организации любого языка» [8, с. 49]. Из этого следует, что отдельный языковой факт нельзя понять изолированно: его значение раскрывается через отношение к другим элементам системы. Близкую мысль высказывал Ш. Балли, связывая эволюцию грамматических явлений с их синхронным окружением: «Эволюция грамматического факта объясняется синхронными оппозициями, которые он приобретает в различные состояния своей эволюции, и каждое из этих состояний представляет собой целое, которое проявляется само по себе и внутри себя» [22, с. 177].

Новый всплеск интереса к понятийным категориям пришёлся на 1950–1960-е годы. Поначалу он был вызван поиском языковых универсалий, а затем сместился в сторону изучения прагматических характеристик языков и их устройства в целом [11; 16; 23]. Этот сдвиг представляет собой не просто смену научных приоритетов, а важный этап в развитии лингвистической мысли. Если на первом этапе исследователи стремились обнаружить общие, внеязыковые по своей природе категории, лежащие в основе всех языков, то на втором этапе акцент переместился на то, как эти категории функционируют в реальной коммуникации, какие прагматические и функциональные ограничения на них накладываются.

Разработка понятийных категорий связывается с именем другого датского лингвиста – Л. Ельмслева. Вслед за О. Есперсеном, он отождествлял понятийные категории с категориями логики. В статье «Можно ли считать, что значения слов образуют структуру?» он рассуждал о применении структурного метода для установления их происхождения: «Это возвращает нас к старой

проблеме, обсуждавшейся ещё в средние века: вытекают ли понятия (категории или классы), возникающие при анализе, из природы рассматриваемого объекта (реализм) или они определяются принятым методом исследования (номинализм)» [8, с. 124]. Сам Л. Ельмслев, по-видимому, относил эту проблему к сфере эпистемологии, тем самым смещая акцент с онтологического статуса понятий на вопрос о том, как мы познаём и как метод исследования влияет на их классификацию.

Если язык признаётся системным образованием, неизбежно возникает вопрос о том, как в этой системе появляются и действуют грамматические категории. Принципиальное положение Л. Ельмслева состоит в том, что «Лингвистические категории не могут быть просто кальками логических категорий» [24, с. 80]. Из этого следует, что, хотя язык и мышление тесно связаны, их категориальные структуры не всегда совпадают. Логическая категория (например, субстанция, причина, время) может выражаться в языке разными способами или даже не находить прямого грамматического воплощения. Поэтому учёный настаивает на том, что языковые категории нужно устанавливать на лингвистической основе, не опираясь на экстралингвистические критерии. В связи с этим он критикует подходы А. Сеше и О. Есперсена, которые, по его мнению, при определении языковых фактов неоправданно обращались к данным других наук – психологии, логики и философии. А. А. Потебня также отмечал эту двойственность, указывая, что «Грамматически формы составляют уже известное содержание по отношению к формам, рассматриваемым логикой» [18, с. 27], тем самым подчёркивая, что грамматика перерабатывает логическое содержание по своим собственным законам.

Особого внимания заслуживает тезис Л. Ельмслева о том, что категории имеют собственную историю развития, независимую от материального выражения: «Категории имеют собственную, независимую от слов, историю и собственное независимое развитие» [24, с. 83]. Примером могут служить

балканские языки – румынский, албанский и болгарский, – в которых независимо друг от друга развились сходные грамматические явления (например, утрата инфинитива и появление постпозитивного артикля), хотя материальные средства их выражения в каждом языке различны.

Цель Л. Ельмслева – «Установить на основе сопоставления конкретных систем категорий абстрактную систему категорий, которая может быть спроецирована на все идеосинхронические состояния» [24, с. 214]. Иными словами, за множеством конкретных проявлений категорий в разных языках он ищет единую абстрактную схему, которая была бы универсальной по своему потенциалу. Для исследования этой двойственности Л. Ельмслев предлагает особый метод: «Единственный возможный метод состоит в установлении абстрактной категории, соответствующей каждой конкретной категории, не принимая заранее во внимание её протяжённость» [24, с. 271]. Это означает, что мы можем выделить, например, абстрактную категорию «определённости», даже если в конкретном языке нет артикля или иного специализированного средства для её выражения. Сама возможность существования такой категории в одном языке даёт основание предположить, что она присутствует в психологической базе языка как потенциал: «Абстрактная категория есть не что иное, как возможная категория» [24, с. 250]. Это важное разграничение: конкретная категория – это реализованная возможность, а абстрактная категория – сама эта возможность как таковая. Однако для исследователя не менее важно изучить условия, при которых эта возможность реализуется или, наоборот, остаётся невостребованной: «Основная цель панхронической грамматики состоит в пристальном изучении условий существования каждой из категорий в конкретных состояниях» [24, с. 275].

Значительный вклад в разработку учения о понятийных категориях в отечественном языкознании внёс И. И. Мещанинов, ученик Н. Я. Марра. В своих работах учёный проводит принципиальное различие между категориями, выраженными в строе языка, и категориями, выраженными посредством языка

[15]. Иными словами, он разграничивает собственно языковые и надязыковые (смысловые) категории. Под понятийными категориями И. И. Мещанинов понимает «Замкнутую систему значений семантического универсального признака либо определённое значение рассматриваемого признака вне зависимости от «явного» или «скрытого» способа выражения, а также уровня их грамматикализации в исследуемом языке» [16, с. 69]. Понятийная категория не привязана к конкретному способу языкового оформления – она может быть выражена как грамматически, так и лексически, и её статус не зависит от степени грамматикализации в том или ином языке.

Особое внимание И. И. Мещанинов уделяет связи языка и мышления, предостерегая от сведения языковых явлений к логическим схемам: «Смысловая сторона должна обращать на себя внимание. Но при её учёте приходится придерживаться самого языкового материала. Приходится проследивать в самом языке, в его лексических группировках и соответствиях, в морфологии и синтаксисе выражение тех понятий, которые создаются нормами сознания и образуют в языке выдержанные схемы. Эти понятия, выражаемые в самом языке, хотя бы и не грамматической формой грамматического понятия, остаются в пределах языкового материала. Поэтому они не выступают из общего числа языковых категорий» [15, с. 14]. Исследователь настаивает на том, что анализ понятийных категорий должен опираться на конкретный языковой материал, а не на абстрактные логические построения; эти категории, даже не получая грамматического выражения, сохраняют свой языковой статус.

В результате своих изысканий И. И. Мещанинов приходит к выводу о том, что различия между языками носят не абсолютный, а относительный характер. Согласно его взглядам, понятийные категории находятся на границе двух сфер – мышления и языка: они укоренены в сознании, но реализуются через языковые средства. При этом только те категории, которые обретают синтаксическое или морфологическое воплощение, становятся уже

грамматическими категориями: «Проявляясь в семантической стороне лексики, в синтаксическом строе предложения и в морфологическом оформлении слова, понятийные категории остаются тем самым в числе языковых категорий, хотя и являются категориями сознания» [16, с. 237].

По мнению С. Д. Кацнельсона, в основе лексических значений и понятий лежат одни и те же когнитивные механизмы – обобщение и абстракция. Учёный писал: «Лексические значения, как и понятия, это своего рода умственные «концентраты», сгустки человеческих знаний об определённых фрагментах и сторонах окружающей нас действительности. В основе слов и понятий всегда лежит обобщение, то есть отражение того общего, постоянного и устойчивого, что скрыто в многообразии и бесконечной переменчивости явлений» [11, с. 9]. Исследователь приходит к выводу, что любая языковая система содержит два компонента: универсальный, отражающий общечеловеческие категории мышления, и идиоэтнический, обусловленный спецификой конкретного языка. Именно наличие универсального компонента делает возможным межъязыковое взаимодействие – ведь любое значение, как бы специфично ни было, разложимо на элементарные смысловые составляющие, которые могут быть воссозданы средствами другого языка. Эта мысль особенно важна для понимания сущности перевода и типологического сопоставления языков: несмотря на кажущиеся различия, логико-семантический аппарат, обслуживающий мышление, един для всех людей, а вариативность касается главным образом способа его внешнего оформления.

Дальнейшее развитие проблематика понятийных категорий получила в работах А. В. Бондарко, который, опираясь на идеи О. Есперсена, С. Д. Кацнельсона и И. И. Мещанинова, предложил рассматривать понятийные категории не как сугубо внеязыковые универсалии, а как языковые категории, обладающие собственным содержанием и формальным выражением [5]. В рамках разработанной им теории функционально-семантических полей учёный проводит разграничение между глубинным и поверхностным уровнями:

понятийные категории относятся к глубинному уровню и представляют собой универсальные смысловые инварианты, тогда как языковые категории составляют поверхностный уровень, где эти смыслы получают конкретную интерпретацию через морфологические, синтаксические, лексические и словообразовательные средства.

Н. А. Кобрина предлагает классифицировать понятийные категории на семантико-прагматической основе, выделяя три типа, различающихся по характеру соотношения с языковыми формами и по степени их грамматикализации (табл. 1).

Таблица 1

Типология понятийных категорий по Н. А. Кобриной [12]

Тип понятийной категории	Характеристика	Особенности соотношения с языковыми формами	Примеры
1. Содержательные (отражающие реальность через предметы мысли)	Совпадают с философскими понятиями, отражаются в семантике, лексических группах и частеречных классах. Семантические и понятийные границы размыты.	Соотношение с формой зависит от типа языка: в синтетических языках одна категория может иметь несколько форм, в изолирующих – одна форма выражает несколько категорий.	Категория предметности, действия, качества; актанты в синтаксисе.
2. Параметрические (признаки и характеристики)	Выражают грамматические значения: вид, время, залог, наклонение, род, число, падеж.	Отсутствует однозначная корреляция с формой; актуализируются в контексте морфологических и синтаксических форм.	Категории времени, наклонения, числа, падежа.
3. Релятивные (операционные)	Служат схемами организации понятий, выражают соотношение действия/события с предметами (понятийная сетка).	Реализуются через семантические языковые сущности; на уровне синтаксиса преобразуются в пропозиции, лежащие в основе типов предложений.	Реляционный предикат, пропозиция, актантная структура.

К первому типу относятся понятийные категории, которые отражают реальность посредством предметов и мыслительных форм; они фактически

совпадают с философскими понятиями. В семантическом плане они находят выражение в лексических объединениях и классах частей речи, из-за чего границы между понятийным и семантическим оказываются размытыми. В синтаксисе подобные понятийные концепты, как правило, передаются через актанты.

Важной особенностью этого типа является неоднозначность соотнесения с языковыми формами, которая зависит от типологии языка: в синтетических языках одной понятийной категории может соответствовать несколько формальных средств, тогда как в изолирующих языках, напротив, одна форма способна выражать несколько понятий. Это различие имеет функциональную значимость для определения языкового типа. Ко второму типу относятся понятийные категории, выступающие как параметры и признаки – вид, время, залог, наклонение, род, число, падеж. Для них, как правило, отсутствует однозначная корреляция с конкретной формой; они актуализируются в зависимости от контекстуального употребления морфологических и синтаксических единиц. К третьему типу относятся релятивные (операционные) понятийные категории, которые служат основой для построения схем организации понятий. Их типичный пример – понятийная сетка, отражающая соотношение действия или события с вовлечёнными в него предметами. Эта сетка на семантическом уровне преобразуется в пропозицию через выбор реляционного предиката и заполнение всех его валентностных «мест». Полученная пропозиция затем служит основой для формирования различных структурных и коммуникативных типов предложений и реализуется через семантические языковые сущности [12, с. 44].

Классификация Н. А. Кобриной показывает, что понятийные категории неоднородны по своей природе и способам взаимодействия с языком: одни тяготеют к лексико-семантическому выражению, другие – к грамматическому, третьи выступают как глубинные схемы, организующие синтаксис.

Как показывает анализ существующих определений и классификаций, понятийные категории являются выразителями норм сознания в самом языке

[15, с. 83]. В качестве средств выражения понятийных категорий выступают грамме́мы грамматических категорий, словообразовательные и лексические подклассы знаменательных слов, служебные слова, синтаксические конструкции и супraseгментные средства (просодический контур и порядок слов) [13]. Традиционно понятийные категории являются универсальными, свойственными всем или большинству языков мира. Благодаря этому свойству они выступают как единая основа для описания разнообразных и разносистемных языков. Большинство понятийных категорий характеризуется полевой структурой, с ядром и периферией в составе соответствующего функционально-семантического поля. «Внешний мир в том виде, в котором он отражается в человеческом сознании, чрезвычайно сложен; и нельзя думать, что можно сразу найти самый простой и точный способ обозначения несметного количества явлений и многообразных отношений между ними. Поэтому соответствие между внешними и грамматическими категориями никогда не бывает полным, повсюду мы находим самые странные и неожиданные переименования и взаимопересечения» [9, с. 57].

Е. Г. Орлянская обращала внимание на несоответствие понятийных и семантических категорий друг другу: «Понятийные категории – это когнитивный слепок с внеязыкового мира, так как связаны с ним более непосредственно, чем категории семантики» [17, с. 138]. Исследовательница указывала на наличие между обеими разновидностями категорий определённой асимметрии, и в этом отношении её позиция отчётливо отличалась от мнения И. И. Мещанинова.

В отличие от понятийных категорий, по мнению Л. М. Васильева, они «Имеют конкретную языковую реализацию, т. е. воплощены в конкретных языковых средствах (лексических, грамматических и др.), и тем, что они тесно связаны со сферой коннотаций, а также структурных значимостей и функций, т. е. с различными типами сугубо языкового знания» [7, с. 14]. Иными словами, если понятийные категории существуют как мыслительные универсалии,

независимые от конкретного языка, то семантические категории – это уже результат их языкового воплощения: они реализуются в конкретные лексические, морфологические или синтаксические формы, обрастают коннотативными значениями и функциональными ограничениями, характерными для данного языка. Семантические категории представляют собой тот уровень, на котором универсальное мышление «переводится» в систему конкретного языка, приобретая национально-культурную специфику. Это разграничение важно для функциональной грамматики, где анализ строится не от формы к смыслу, а от смысла (понятийной категории) к средствам его выражения (семантическим категориям и их языковым реализациям).

По мысли А. В. Бондарко, семантические категории представляют собой понятийные категории, которые «находятся в отношении регулярного соответствия с теми языковыми семантическими функциями, в которых эти категории находят своё воплощение и свою конкретно-языковую и конкретно-речевую реализацию» [5, с. 63–65]. Иными словами, семантическая категория – это не просто абстрактный смысл, а та понятийная единица, которая регулярно и системно соотносится с определённым набором языковых средств, выполняющих сходные функции в разных контекстах. Семантическая категория выполняет роль связующего звена между универсальным понятийным содержанием и его конкретным языковым оформлением, обеспечивая тем самым переход от мысли к речи.

В рамках функционального подхода А. В. Бондарко предлагает чёткий алгоритм для выделения семантической категории на основе анализа языкового материала:

1. Выявление семантической функции в контексте.
2. Установление субституции языковых форм при сохранении смысла высказывания.

3. Сопоставительный анализ и выявление особенностей каждой языковой формы.

4. Выделение семантического инварианта, соответствующего определённой понятийной категории [5].

Данный алгоритм отражает ключевой принцип функциональной грамматики: исследование движется не от формы к смыслу (что характерно для традиционного структурного подхода), а от смысловой функции – к множеству её языковых реализаций. Последовательность шагов, предложенная исследователем, позволяет не только систематизировать разнородные языковые средства, но и выявить глубинный инвариант (понятийную категорию), который объединяет все эти средства на семантическом уровне.

Функционально-семантический подход оказывается особенно продуктивным при анализе взаимодействия нескольких категорий [2; 3; 4; 19; 20]. Функционально-семантическое поле позволяет не просто перечислить разноуровневые средства выражения взаимодействующих категорий, но и рассмотреть их во взаимосвязи, а также определить ядерные и периферийные элементы. Отсюда следует, что разграничение понятийных и семантических категорий имеет не только теоретическое, но и практическое значение: оно даёт инструмент для описания сложных семантических комплексов, образующихся в результате пересечения разных категориальных полей.

Не все понятийные категории получают явное, эксплицитное выражение в языке. В ряде случаев они «остаются скрытыми или полускрытыми, что создаёт значительные трудности при их идентификации и описании» [12, с. 40–49]. Разграничение между открытыми и скрытыми категориями было предложено Б. Л. Уорфом. Открытая (явная) категория (или фенотип) получает формальное выражение в каждом предложении, содержащем член данной категории; так, категория множественного числа в английском языке маркируется регулярно. Скрытая категория (криптотип), напротив, не имеет обязательного формального маркера: она выражается лишь в определённых

контекстах – через специальную морфему, синтаксическую конструкцию или лексическое окружение – и не проявляется во всех случаях употребления члена категории. Примером криптотипа служит категория рода в английском языке, которая не маркируется грамматически у существительных, но может быть выявлена через согласование местоимений или выбор лексических единиц (например, waiter / waitress) [10; 21]. Важно подчеркнуть, что семантические категории не являются застывшими образованиями. Сохраняя своё инвариантное значение на протяжении исторического развития языка, они могут подвергаться семантической дифференциации и обрести новыми смысловыми оттенками. Это явление, обозначенное как «расщепление семантики» [14, с. 27], свидетельствует о том, что категориальные значения не остаются статичными, а адаптируются к изменяющимся коммуникативным потребностям и системным сдвигам внутри языка. Даже если категория остаётся узнаваемой на уровне инварианта, её конкретное содержание и способы выражения могут варьироваться как в диахронии, так и в синхронии, что особенно важно учитывать при сопоставительном изучении языков. В. Г. Адмони также подчёркивал сложность этого взаимодействия, отмечая, что «Вообще вся сложность установления системы частей речи, иногда даже приводящая к трактовке этой системы как противоречащей требованиям логики и потому ненаучной, коренится именно в невозможности строго отграничить друг от друга отдельные части речи в силу наличия у них переплетающихся признаков» [1, с. 48–49].

В функциональной грамматике идеи о понятийных категориях были не только восприняты, но и существенно углублены: была предпринята попытка их систематизации, а также выявлена их связь с семантическими функциями языка. Именно этот шаг послужил отправной точкой для построения функционально-семантических полей, в которых понятийные категории стали выполнять роль смысловых центров, интегрирующих разноуровневые языковые средства. Это разграничение важно для функциональной грамматики,

где анализ строится не от формы к смыслу, а от смысла (понятийной категории) к средствам его выражения (семантическим категориям и их языковым реализациям).

Обобщение критериев разграничения понятийных и семантических категорий представлено в таблице 2.

Таблица 2

Разграничение понятийных и семантических категорий

Критерий сравнения	Понятийные категории	Семантические категории
Природа	Внеязыковые, универсальные, относятся к сфере мышления и логики.	Языковые, конкретно-языковые, относятся к системе языка и речи.
Форма выражения	Не имеют обязательного формального маркера; могут быть скрытыми (криптотипами) или полускрытыми.	Всегда имеют конкретные средства выражения: лексические, морфологические, синтаксические, словообразовательные.
Соотнесённость с языком	Существуют независимо от конкретного языка как инвариантные смыслы.	Реализуются только через языковые средства конкретного языка; вне языка не существуют.
Уровень анализа	Глубинный.	Поверхностный (конкретные формы).
Отношение к грамматике	Могут не иметь грамматического выражения; остаются на уровне сознания.	Как правило, получают грамматическое оформление.
Универсальность	Универсальны, свойственны всем или большинству языков.	Вариативны в зависимости от типа языка.
Примеры	Категории предметности, действия, субъекта, объекта и т. д.	Категории падежа, числа, времени, вида, залога, определённости / неопределённости.

Представленное разграничение позволяет сделать несколько принципиальных выводов. Во-первых, понятийные и семантические категории не являются тождественными, хотя и находятся в отношении тесной взаимосвязи: первые представляют собой универсальные смысловые инварианты, общие для всех языков и существующие на уровне мышления, тогда как вторые – это их конкретная языковая интерпретация, то есть те значения, которые получают регулярное формальное выражение в каждом конкретном языке через систему лексических, морфологических и синтаксических средств.

Во-вторых, соотношение между этими двумя типами категорий носит асимметричный характер: одна и та же понятийная категория может получать различное семантическое воплощение в разных языках (например, категория времени в русском, английском и китайском языках), а одна семантическая категория может обслуживать несколько понятийных (например, категория падежа выражает отношения субъекта, объекта, атрибута и др.).

В-третьих, именно это различие лежит в основе функционально-семантического подхода, где анализ строится не от формы к смыслу (как в традиционной структурной грамматике), а от смысла (понятийной категории) к множеству его языковых реализаций (семантическим категориям и их конкретным формам). Подход, предложенный А. В. Бондарко и развитый в работах Н. А. Кобриной, Л. М. Васильева и других исследователей, позволяет не только систематизировать разнородные языковые средства, но и выявить глубинные инварианты, объединяющие разные языки на уровне мышления, при одновременном учёте их структурных и типологических различий.

Заключение

Проведённый анализ теоретических подходов к трактовке понятийных и семантических категорий позволяет заключить, что данные категории, при всей их тесной взаимосвязи, не являются тождественными. Если понятийные категории представляют собой универсальные смысловые инварианты, общие для всех языков и существующие на уровне мышления, то семантические категории являются их конкретной языковой интерпретацией, получающей регулярное формальное выражение через систему лексических, морфологических и синтаксических средств конкретного языка. Разграничение этих двух типов категорий, восходящее к идеям О. Есперсена и получившее развитие в работах И. И. Мещанинова, А. В. Бондарко и Н. А. Кобриной, составляет концептуальную основу функционально-семантического подхода, в котором анализ строится не от формы к смыслу, а от смыслового инварианта к множеству его языковых реализаций. Именно это разграничение позволяет

рассматривать язык не как изолированную систему форм, а как динамический механизм интерпретации мыслительного содержания, что открывает перспективы для типологических сопоставлений и более глубокого понимания механизмов языковой концептуализации мира.

Список литературы:

1. Адмони В. Г. Основы теории грамматики. М.: Наука, 1964. 106 с.
2. Архипова И. В., Шустова С. В. Поликатегориальный семантический комплекс (на примере категорий таксиса и инструментальности) // Евразийский гуманитарный журнал. 2025. № 4. С. 21–27.
3. Афанасьева А. А. Функциональные особенности эмотивных каузативов (на материале русского и испанского языков): автореф. дис. канд. филол. наук. Пермь, 2024. 20 с.
4. Афанасьева А. А. Эмотивные каузативы русского и испанского языков: функциональные особенности. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2025. 197 с.
5. Бондарко А. В. Понятийные категории и языковые семантические функции в грамматике // Универсалии и типологические исследования. М.: Наука, 1974. С. 54–79.
6. Вандриес Ж. Язык. М.: Соцэкгиз, 1937. 410 с.
7. Васильев Л. М. О семантических категориях языка // Теоретические проблемы общей лингвистики, славистики, русистики: сб. статей. Уфа: РИО БашГУ, 2006. С. 222–223.
8. Ельмслев Л. Можно ли считать, что значения слов образуют структуру? // Новое в лингвистике. М.: Издательство иностранной литературы. 1962. Вып. 2. С. 117–136.
9. Есперсен О. Философия грамматики. М.: Иностранная литература, 1958. 404 с.

10. Кацнельсон С. Д. Содержание слова, значение и обозначение. М.: Эдиторал УРСС, 2011. 112 с.
11. Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1972. 216 с; 4-е изд. М.: Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 218 с.
12. Кобрина Н. А. Понятийные категории и их языковая реализация: межвуз. сб. науч. тр. Ленинград: Изд-во ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1989. 159 с.
13. ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 683 с.
14. Малинович Ю. М. Класс предложений-запрещений с доминантой угрозы (на материале немецкого языка) // Императив в разноструктурных языках: тез. докл. конф. «Функционально-типологическое направление в грамматике. Повелительность». Л.: Изд-во АН СССР, 1988. С. 75–76.
15. Мещанинов И. И. Понятийные категории в языке // Труды Военного института иностранных языков. 1945. № 1. С. 5–15.
16. Мещанинов И. И. Члены предложения и части речи. Л.: Наука, 1978. 387 с.
17. Орлянская Е. Г. К вопросу о соотношении мыслительных и языковых категорий // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2009. № 8 (27): в 2-х ч. Ч. II. С. 137–139.
18. Потебня А. А. Полное собрание трудов: Мысль и язык. М.: Лабиринт, 1999. 300 с.
19. Сюткина Н. П., Шустова С. В. Лингвистика эмоций // Общетеоретические проблемы языкознания: семантика, грамматика, прагматика: монография. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2025. С. 5–58.
20. Сюткина Н. П., Шустова С. В., Зубарева Е. О. Взаимодействие категорий эмотивности и интенсивности // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2025. № 12. С. 237–240.

21. Уорф Б. Л. Грамматические категории // Принципы типологического анализа языков различного строя. М.: Наука, 1972. С. 44–60.
22. Bally Ch. La pensée et la langue // Bulletin de la Société de linguistique de Paris. 1922. T. XXIII, P. 117–137.
23. Fillmore C. J., Kay P., O'Connor M. C. Regularity and Idiomaticity in Grammatical Constructions: The Case of Let Alone // Language, 1988. Vol. 64, № 3. P. 501–538.
24. Hjelmslev L. Principes de grammaire générale. København: Bianco Lunos Bogtrykkeri, 1928. 363 p.
25. Jespersen O. The Philosophy of Grammar. L.: Unwin Brothers, 1992. 358 p.

References:

1. Admoni V. G. Osnovy` teorii grammatiki. M.: Nauka, 1964. 106 s.
2. Arxipova I. V., Shustova S. V. Polikategorial`ny`j semanticheskij kompleks (na primere kategorij taksisa i instrumental`nosti) // Evrazijskij gumanitarny`j zhurnal. 2025. № 4. S. 21–27.
3. Afanas`eva A. A. Funkcional`ny`e osobennosti e`motivny`x kauzativov (na materiale russkogo i ispanskogo yazy`kov): avtoref. dis. kand. filol. nauk. Perm`, 2024. 20 s.
4. Afanas`eva A. A. E`motivny`e kauzativy` russkogo i ispanskogo yazy`kov: funkcional`ny`e osobennosti. Perm`: Permskij gosudarstvenny`j nacional`ny`j issledovatel`skij universitet, 2025. 197 s.
5. Bondarko A. V. Ponyatijny`e kategorii i yazy`kovy`e semanticheskie funkicii v grammatike // Universalii i tipologicheskie issledovaniya. M.: Nauka, 1974. S. 54–79.
6. Vandries Zh. Yazy`k. M.: Socze`kgiz, 1937. 410 s.
7. Vasil`ev L. M. O semanticheskix kategoriyax yazy`ka // Teoreticheskie problemy` obshhej lingvistiki, slavistiki, rusistiki: sb. statej. Ufa: RIO BashGU, 2006. S. 222–223.

8. El`mslev L. Mozhno li schitat`, chto znacheniya slov obrazuyut strukturu? // *Novoe v lingvistike*. M.: Izdatel'stvo inostrannoj literatury`. 1962. Vy`p. 2. S. 117–136.
9. Espersen O. *Filosofiya grammatiki*. M.: Inostrannaya literatura, 1958. 404 s.
10. Kaczel`son S. D. *Soderzhanie slova, znachenie i oboznachenie*. M.: E`ditorial URSS, 2011. 112 s.
11. Kaczel`son S. D. *Tipologiya yazy`ka i rechevoe my`shlenie*. L.: Nauka. Leningr. otd-nie, 1972. 216 s; 4-e izd. M.: Kn. dom «LIBROKOM», 2009. 218 s.
12. Kobrina N. A. *Ponyatijny`e kategorii i ix yazy`kovaya realizaciya: mezhvuz. sb. nauch. tr.* Leningrad: Izd-vo LGPI im. A. I. Gercena, 1989. 159 s.
13. LE`S – *Lingvisticheskiy e`nciklopedicheskiy slovar` / pod red. V. N. Yarcevoj*. M.: Sov. e`nciklopediya, 1990. 683 s.
14. Malinovich Yu. M. *Klass predlozhenij-zapreshhenij s dominantoj ugrozy` (na materiale nemeczkogo yazy`ka) // Imperativ v raznostrukturny`x yazy`kax: tez. dokl. konf. «Funkcional`no-tipologicheskoe napravlenie v grammatike. Povelitel`nost`»*. L.: Izd-vo AN SSSR, 1988. S. 75–76.
15. Meshhaninov I. I. *Ponyatijny`e kategorii v yazy`ke // Trudy` Voennogo instituta inostranny`x yazy`kov*. 1945. № 1. S. 5–15.
16. Meshhaninov I. I. *Chleny` predlozheniya i chasti rechi*. L.: Nauka, 1978. 387 s.
17. Orlyanskaya E. G. *K voprosu o sootnoshenii my`slitel`ny`x i yazy`kovy`x kategorij // Al`manax sovremennoj nauki i obrazovaniya*. Tambov: Gramota, 2009. № 8 (27): v 2-x ch. Ch. II. С. 137–139.
18. Potebnya A. A. *Polnoe sobranie trudov: My`sl` i yazy`k*. M.: Labirint, 1999. 300 s.
19. Syutkina N. P., Shustova S. V. *Lingvistika e`mocij // Obshheteoreticheskie problemy` yazy`koznaniya: semantika, grammatika, pragmatika: monografiya*. Perm`: Permskiy gosudarstvenny`j nacional`ny`j issledovatel`skij universitet, 2025. S. 5–58.

20. Syutkina N. P., Shustova S. V., Zubareva E. O. Vzaimodejstvie kategorij e`motivnosti i intensivnosti // Sovremennaya nauka: aktual`ny`e problemy` teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarny`e nauki. 2025. № 12. S. 237–240.

21. Uorf B. L. Grammaticheskie kategorii // Principy` tipologicheskogo analiza yazy`kov razlichnogo stroya. M.: Nauka, 1972. S. 44–60.

22. Bally Ch. La pensée et la langue // Bulletin de la Société de linguistique de Paris. 1922. T. XXIII, P. 117–137.

23. Fillmore C. J., Kay P., O'Connor M. C. Regularity and Idiomaticity in Grammatical Constructions: The Case of Let Alone // Language, 1988. Vol. 64, № 3. P. 501–538.

24. Hjelmslev L. Principes de grammaire générale. København: Bianco Lunos Bogtrykkeri, 1928. 363 p.

25. Jespersen O. The Philosophy of Grammar. L.: Unwin Brothers, 1992. 358 p.

Информация об авторе:

Е. В. Малахова – аспирант, преподаватель, Пермский государственный национальный исследовательский университет

Information about the author:

E. V. Malakhova – postgraduate student, lecturer, Perm State National Research University

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 05.07.2026; одобрена после рецензирования 03.08.2026; принята к публикации 15.09.2026.

The article was published 05.07.2026; approved after reviewing 03.08.2026; accepted for publication 15.09.2026.

Статья публикуется в одобренном рецензентами варианте (после получения последней положительной рецензии, рекомендующей рукопись к публикации) с исправлениями автора (внесёнными им после получения предварительных рецензий, рекомендующих рукопись к доработке). Все рецензии (включая предварительные рецензии) хранятся в депозитарии редакции и могут быть доступны по требованию уполномоченных организаций.

The article is published in the version approved by the reviewers (after receiving the last positive review recommending the manuscript for publication) with the author's corrections (made by the author after receiving preliminary reviews recommending the manuscript for revision). All reviews (including preliminary reviews) are stored in the editorial repository and may be made available upon request by authorized organizations.